

Чжоу Вэньфан плакала и кричала:

— Я больше не хочу жить, я прыгну в этот колодец и утону, забудьте об этом. Моя невестка хочет сжечь меня, за что?! Я не хочу больше жить! У— у— у!

— ...

Каждый дом в деревне был близко, и, услышав крик после ужина, все собирались вокруг, чтобы посмотреть на веселье.

Если вдруг стало скучно, вы можете просто подойти к дому семьи Се и насладиться зрелищем.

Слушая ругань Чжоу Вэньфан, все злорадствовали.

Ведь Ло Цюйлян из рода Ся была старой стервой, и никто в восьми городах не мог ее отругать, а в деревне никто не смел ее провоцировать.

Теперь же, видя, что подобное происходит с ее семьей, естественно всем нравилось наблюдать за весельем.

— Эта сломанная туфля, которая не может выйти замуж, сломанная туфля, которая не может родить сына, она обрызгала меня масляной лампой, чтобы я сгорела до тла!

— Разве есть повод! Этот день не может закончиться!

...

Обида в ее устах была злобной, раны на ногах и лице тоже были шокирующими.

Ся Чангуй обтирал ее ракушечным маслом:

— Не плачь, дорогая.

Ло Цюйлян собиралась спать, но, когда ее разбудили, лицо ее было полно гнева:

— Что за шум, отец умер или мать ушла!

Выйдя на улицу, она увидела, что вторая невестка катается по земле, покрытая грязью, и ее гнев ничуть не утих.

Люди в деревне наблюдали за спектаклем через забор, и некоторые хотели даже закусывать это зрелище дынными семечками.

— Йо, кто поджег Вэньфан?

— Это, наверное, персиковый цветок, с персиковым цветком не так— то легко шутить.

— Хахаха цветки персика сгорели?

— ...

Ся Таохуа спустилась вниз в свободном платье, и, услышав слова одной из женщин из деревни, быстро выбежала и начала оправдываться:

— Это не я.

Она жила на втором этаже, поэтому спуск занял некоторое время.

Плачущая женщина прокричала:

— Это сломанный ботинок Ся Таочжи!

— Я попросила ее помыть обувь брата, так как мне нужно было отнести ребенка в кроватку, а она обожгла меня масляной лампой. Я умру.

Ся Таочжи слушала ее ругань в комнате, взяла из корзины поношенную одежду, подожгла ее и бросила одежду прямо в нее:

— Опять ругаешься?!

— Ааа, — закричала Чжоу Вэньфан, с одежды которой капала горячая смола.

Ся Чангуй снял одежду, но тело Чжоу Вэньфан снова загорелось, и Ся Чангуй быстро принес воды, чтобы потушить огонь.

Поступок Ся Таочжи поверг всех в шок: неужели в семье Ся все еще царит беспредел?

Ся Таочжи подошла к Чжоу Вэньфан:

— Ты говоришь, что я сломанный ботинок? Позволь мне сказать, что эти бандиты вообще не осмелились меня тронуть, знаете почему? Потому что босые ноги не боятся носить обувь, я буду драться с теми, кто меня тронет!!! И вообще, мать меня не любит, отцу на меня наплевать, а брат и невестка надо мной издеваются. Чего же мне бояться? Смерти?! Почему я должна вас бояться?

Люди в деревне замолчали, услышав ее слова.

Да, все они с детства знали, как к этой персиковой ветке относится их семья Ся.

Вот только о чужих семьях говорить не принято.

Можно только смеяться и обсуждать вместе с толпой, чтобы тебя считали идущим в ногу со всеми.

Кто же будет жалеть девушку.

Ся Таочжи посмотрела на Чжоу Вэньфан:

— На будущее, мойте обувь и одежду сами. Я стираю их уже тринадцать лет, и этого достаточно!

Раньше она не знала, что думает Ло Цюйлянь, ей всегда казалось, что если она будет хорошо себя вести, то обязательно понравится матери.

Но позже она узнала, что родилась для того, чтобы служить Ся Таохуа, чтобы Ся Таохуа могла давать ей больше денег после того, как она войдет в богатую семью, чтобы она могла растить своих сыновей и внуков.

Однажды Ло Цюйлянь сказала, что хотела бы задушить Ся Таочжи.

Ах...

Так почему же она должна ее уважать?

К тому же она все узнает. В прошлой жизни Ло Цюйлянь умерла до того, как Ся Таочжи узнала правду.

Живя в деревне, она ничего не понимала. Она не сомневалась в своем жизненном опыте. Позже она уехала жить в город, и у нее не было времени думать о других вещах.

К тому времени, когда она стала знаменитой, Ло Цюйлянь уже давно умерла, но она узнала, что Ло Цюйлянь какое— то время работала служанкой в городе Шэньчжэн.

Короче говоря, теперь нет места уважению!

Чжоу Вэньфан слушала ее слова и думала о том, что с ней произошло, ей действительно было немного страшно, лицо горело и болело.

Ло Цюйлянь смотрела на Ся Таочжи с паникой в глазах, нет, она должна поскорее выдать ее замуж.

Она не могла ждать шесть дней!

Ся Таочжи посмотрела на Луо Цюйлянь, Ся Юдэ стоял рядом с ней, и Ся Юдэ не осмеливался смотреть на нее.

— Тетя, ты грязный башмак! Ты не имеешь права издеваться над моей матерью! — несколько детей подняли камни и бросили их в нее.

— Сломанная обувь! Сломанная обувь! — им было всего по пять— шесть лет, поэтому они не знали, что такое сломанная обувь, но их мама сегодня целый день говорила об этом, и они знали, что третью тетю называют сломанной обувью.

На ветку персика упал камень, она подняла и бросила обратно, попав в некоторых их них.

Их родители их не учат, она научит!

— Ся Таочжи, ты маленькое копытце! — увидев, что она ударила ее драгоценного внука, Ло Цюйлянь тут же подбежала, чтобы защитить детей, и с проклятиями обратилась к Ся Таочжи. — Ты посмела ударить моего внука, скорее убирайся отсюда! Моя мать завтра же разберется с тобой. И ты выйдешь замуж!

Ся Таочжи потирала разбитую руку:

— Попробуй

Трое детей плакали и истекали кровью.

Чжоу Вэньфан на земле обнимала их и плакала, Ся Чангуй вдруг встал, он бросился к персиковой ветке, чтобы ударить ее, но персиковая ветка, естественно, не дала ему ударить, она подняла лежащую рядом с ней лопату и собиралась использовать ее, чтобы отбиться. Но

прежде чем она смогла воспользоваться ею, кто— то встал прям перед ней.

Се Янь уже сжимал запястье Ся Чангуя.

Ся Таочжи посмотрела на его широкую спину, как же так, опять он!

Она увидела, что Лю Шумин прячется в углу, он тоже подошел, но ему не было до нее никакого дела.

Ся Таочжи, естественно, не надеялась на него: единственный человек в этом мире, которому можно доверять, — это ты сам.

Когда она разберется с этими собаками, она уйдет из семьи Ся.

Сейчас ей нельзя заниматься бизнесом, а быть пойманной — серьезное преступление, связанное со спекуляцией. Продать свои вещи трудно, и она будет стараться изо всех сил, чтобы найти выход.

Се Янь отпустил руку Ся Чангуй и сказал холодным голосом:

— Она твоя сестра, ты не можешь ее бить.

Ся Чангуй боялся Се Яня. Ведь Се Янь даже осмелился сражаться с бандитами. О нем ходила дурная слава.

— Это не твое дело, как я буду учить свою сестру? — он потирал свою красную руку, которая была такой мощной!

Се Янь холодно ответил:

— В любом случае, тебе запрещено прикасаться к ней.

Из толпы раздался голос:

— Се Янь, какие у тебя с ней отношения? Разве у тебя нет доли в разбойничьем логове?

Не знаю, кто это сказал, людей было много.

Но Ся Таочжи увидел, что это сказал Лю Шумин, и, закончив говорить, присел на корточки рядом со стогом сена.

Люди в деревне, наблюдавшие за спектаклем, естественно, смотрели на них странными глазами.

Лицо Се Яня слегка похолодело, он быстро перепрыгнул через забор и бросился наружу, вытащил Лю Шумина и бросил его на землю.

Лю Шумин, у которого не было сил связать курицу, оказался его противником. Он был брошен на землю, как курица, и упал в грязь.

Лю Шумин покраснел, посмотрел в глаза жителям деревни и быстро встал:

— Се Янь, что ты имеешь в виду?!

Се Яню было все равно, младший сын старосты или нет, он ударил его ногой в живот, Лю Шумин присел на корточки, держась за живот от боли, его лицо побледнело:

— Бездельник, если ты еще раз будешь говорить глупости, я вырву твой собачий язык!

Другие не решились помочь. В деревне партийный секретарь уговаривал Се Яня, опасаясь, что тот натворит бед, кто же теперь осмелится явиться.

<http://tl.rulate.ru/book/95343/3295376>